

УДК 343

DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-2-17-23

О. Н. Бибик*

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА – ВОЗМЕЗДИЕ ИЛИ РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ?

В статье рассматривается проблема определения приоритетных направлений применения уголовного права. Отмечается, что уголовное право в большей степени ориентировано не на ресоциализацию, а на возмездие, что влечет серьезные социальные издержки. Объяснение этому дается при помощи теории ожидаемой полезности, согласно которой люди зачастую игнорируют долгосрочные последствия, проявляют близорукость. Общество требует возмездия и при этом безосновательно надеется, что впоследствии преступник после отбытого наказания исправится. Указанная проблема рассматривается через призму закономерностей, установленных в экономической науке применительно к сфере инвестиций и потребления. Общество и государство при совершении преступления вынуждены выбирать между немедленным удовлетворением своих потребностей в возмездии (потреблением) и полным либо частичным отказом от уголовного преследования, ресоциализацией лица (инвестициями). При этом отказ от инвестиций приведет в перспективе к уменьшению эффективности системы уголовной юстиции (парадокс бережливости). Делается вывод, что препятствием для пересмотра критикуемой стратегии являются исключительно культурные стереотипы.

Ключевые слова: теория рационального выбора, возмездие, ресоциализация, социальные издержки, стратегические приоритеты, парадокс бережливости, близорукость, инвестиции и потребление.

В уголовном праве провозглашаются три цели наказания, в числе которых восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 43 УК РФ). При этом две обозначенные цели – восстановление социальной справедливости и исправление осужденного – нередко конкурируют между собой, в особенности если речь идет о применении смертной казни или пожизненного лишения свободы. В научной литературе задается вопрос: должна ли строгость наказания в решающей степени зависеть от тяжести деяния или от шансов на возможное повторное совершение преступления? [1, р. 456]. Следует признать, что зачастую приоритет отдается в пользу восстановления социальной справедливости, представляющего собой, по сути, возмездие. Такое положение вещей характерно как для развивающихся, так и для промышленно развитых государств. Приведем примеры.

Мишель Мартен была арестована в 1996 г. и осуждена за соучастие в преступлениях, совершенных ее мужем Марком Дютру, которого признали виновным в похищении и изнасиловании шестерых девочек и девушек, четыре из которых умерли. Две потерпевшие были изнасилованы, избиты, накачаны наркотиками и погребены зажи-

во. Две восьмилетние девочки умерли от голода, а до этого были много раз изнасилованы. Марка Дютру приговорили к пожизненному заключению. Мартен признали виновной в соучастии при похищении жертв. Было также доказано, что женщина держала похищенных в заключении, а двух восьмилетних девочек уморила голодом. Суд приговорил М. Мартен, сообщницу «Монстра из Шарлеруа», к 30 годам тюрьмы. После вынесения данного приговора в 1996 г. 300 тысяч человек прошли по Брюсселю в белых одеждах с требованием реформ полиции и судебной системы. В 2012 г., спустя 16 лет, суд удовлетворил ходатайство о досрочном освобождении М. Мартен. После освобождения ее должны были отправить в один из монастырей во Франции. Новость об освобождении преступницы вызвала настолько серьезное общественное негодование, что французские власти отказали ей во въезде. В результате М. Мартен перевели в один из бельгийских монастырей [2–4].

Другой пример – зверское изнасилование студентки в Индии 16 декабря 2012 г. Шестеро пьяных мужчин напали на девушку и ее друга, когда они вечером возвращались из кино домой на автобусе. Виновные избили обоих, а затем изнасиловали девушку железным прутком, чем на-

*© Бибик О. Н., 2018

Бибик Олег Николаевич (olegbibik@mail.ru), кафедра уголовного права и криминологии, юридический факультет, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, 644065, Российская Федерация, г. Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, 100, корп. 1.

несли сильнейшие ранения внутренних органов. После этого преступники раздели своих жертв и выбросили из движущегося автобуса. В результате нападения девушка погибла. Указанные события вызвали массовые демонстрации по всей Индии. В Нью-Дели протестующие требовали казнить преступников, ужесточить наказания за сексуальные преступления, а также гарантировать безопасность женщин. В итоге выступления привели к столкновениям с полицией, в которых пострадало около 140 человек. После того как стало известно о смерти изнасилованной девушки, полиция оцепила правительственные здания в Нью-Дели и закрыла десять станций метро, опасаясь новых массовых акций [5].

С учетом вышеизложенного есть основания согласиться с мнением о том, что в настоящее время, «решая вопрос о соответствующих наказаниях за различные преступления, люди обычно руководствуются древним принципом: наказание должно быть сопоставимо с преступлением» [6, с. 68].

К сожалению, в современном уголовном праве не так много примеров воплощения идеи ресоциализации. Одно из направлений, в котором в определенной мере достаточно успешно реализована указанная идея, – это ювенальное уголовное право. Так, основа концепции ювенального уголовного права ФРГ – сочетание чисто воспитательных мер социальной помощи несовершеннолетним с уголовными наказаниями, назначаемыми в виде исключения [7, с. 222]. Ювенальное уголовное право вообще как таковое не имеет цели возмездия, компенсации вины, а направлено на то, чтобы предупредить рецидив, обратить нарушителя к жизни без преступлений, при необходимости – устранить недостатки в социализации [8; 9, S. 358]. Согласно доктрине ювенального уголовного права Германии воспитательные меры не имеют карательного характера, а призваны воспитывать несовершеннолетнего (устранять недостатки в воспитании) и формировать его личность. При назначении данных мер критерием выступает не тяжесть преступления, а потребность в воспитании и восприимчивость к воспитанию [10, с. 89–90].

В ювенальном уголовном праве Германии в качестве наказания, применяемого к несовершеннолетним, используется только лишение свободы в предусмотренном для его исполнения учреждении. Судья назначает наказание, если: 1) против вредных склонностей подростка, проявившихся в поступке, воспитательные меры и принудительные средства безуспешны; 2) из-за тяжести вины необходимо наказание. Часто на практике при применении наказания учитывается как тяжесть вины, так и вредные наклонности [11, S. 218]. Сроки лишения свободы определяются § 18 Закона о суде по делам несовершеннолетних

(Jugendgerichtsgesetz) (далее – JGG). Минимальный срок – 6 месяцев, максимальный – 5 лет. Если в общем уголовном праве наказание за соответствующее преступление составляет более 10 лет лишения свободы, то § 18 абз. 1 JGG предусматривает 10 лет как максимальный срок для несовершеннолетнего. В научной литературе указывается, что именно срок до 5 лет предполагает воспитательный эффект. Большой срок (до 10 лет), назначаемый за наиболее тяжкие преступления, в основном ориентирован не на воспитание, а на удовлетворение потребности в каре и защите общества [12, s. 119]. В российском уголовном праве также признаются данные особенности длительных сроков лишения свободы. После 5–7 лет непрерывного нахождения в местах лишения свободы у осужденных наступают необратимые негативные изменения в психике [13, с. 223–224].

Таким образом, даже в ювенальном уголовном праве, концепция которого ориентирована прежде всего на ресоциализацию, в отдельных случаях приоритет отдается возмездию, на которое нацелено и наказание, применяемое ко взрослым преступникам. Подобное положение дел объясняется особенностями общественного развития.

Понимание наказания как возмездия есть результат перенесения идеи справедливости, порожденной жизнью, на область борьбы с преступностью [14, с. 114]. Иными словами, в обществе до сих пор превалирует идея эквивалентного обмена, предполагающая, что виновный должен понести наказание, соразмерное преступлению («око за око, зуб за зуб»), даже если это никоим образом не повлияет положительно на ресоциализацию лица, а возможно, и серьезно ее затруднит. Указанная стратегия объясняется в том числе закономерностью поведения человека, для которого свойственна близорукость при принятии решений.

В экономической науке сформулирована теория ожидаемой полезности, согласно которой в условиях вероятностного характера знания о будущем человек выбирает такое поведение, которое предполагает максимальную ожидаемую полезность. При этом индивиды с положительной нормой временного предпочтения оценивают текущее потребление или доход выше, чем потребление и доход в будущем [15, с. 494]. «Эффект владения» предполагает склонность людей выше оценивать имеющуюся вещь, нежели аналогичную вещь, которая еще не приобретена ими [16, с. 148–151; 17, р. 1484]. Очевидно, что соответствующие решения не всегда оптимальны. Игнорирование долгосрочных последствий именуется в экономике близорукостью [18, с. 49]. Названные особенности характерны для любого поведения, в том числе при принятии решения о применении уголовной репрессии. Как правило, общество, потерпевший требуют немедленного наказания в

ответ на совершенное преступление. Преступник уже в руках правосудия, удовлетворение может быть получено «здесь и сейчас». Вместе с тем такая стратегия влечет дополнительные социальные издержки, которые нередко многократно перекрывают возможные выгоды по следующим причинам.

Во-первых, излишне расходуется уголовная репрессия, включая затраты на исполнение наказаний. Даже если мы уверены, что виновный не совершит нового общественно опасного деяния, его все равно требуется наказать в целях восстановления социальной справедливости. Так, в научной литературе приводятся примеры, когда лица, страдающие серьезными заболеваниями, имеющие I группу инвалидности, в том числе ввиду полной слепоты (!), осуждаются за особо тяжкие преступления к длительным срокам лишения свободы [19]. При этом, как подтверждено в специальных исследованиях, лица, освобожденные от наказания по болезни, реже допускают рецидив, который составляет около 17 % [20, с. 95].

Во-вторых, уголовное наказание негативно воздействует на общество, включая издержки, связанные с уменьшением количества работающих при применении лишения свободы, влиянием наказания на семью преступника в связи с его изоляцией от общества [21, р. 63–95]. И в данном случае порой это негативное воздействие само по себе является более значительным для общества, нежели ущерб (вред) в результате совершения преступления! Например, при совершении кражи имущества с причинением значительного ущерба гражданину (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), стоимость которого оценивается в 5 тыс. руб., и назначении наказания в виде лишения свободы сроком один год только недополученный государством подоходный налог при минимальном размере оплаты труда 9489 руб. в месяц составит около 14,8 тыс. руб. в год, не говоря уже о расходах на содержание осужденного, упущенной выгоде в виде утраченного заработка, а также убытках семейного бюджета, для которого это и вовсе может быть катастрофой. В подобной ситуации общество «стреляет себе в ногу», требуя возмездия за совершенное преступление.

В-третьих, повышается риск рецидива, что влечет социальные издержки при совершении лицом нового преступления. По статистике, доля рецидивной преступности колеблется в пределах около 30 % [22, с. 4, 41]. Вместе с тем, по данным официальной статистики МВД РФ, каждое второе (54–55 %) преступление совершается лицами, ранее совершавшими преступления (например, по данным за 2015–2016 гг.).

Безусловно, сам факт преступного прошлого не позволяет утверждать, что человек перестает испытывать страх перед наказанием.

После отбывания лишения свободы значительная часть людей не совершает новых преступлений [1, р. 494]. Следовательно, эффект специального предупреждения нельзя списывать со счетов. Вместе с тем лица, имеющие судимость, с высокой долей вероятности не смогут удержаться от нарушения уголовного закона.

Еще в работах дореволюционных криминалистов отмечался высокий процент рецидива среди осужденных в России и зарубежных странах (от 20,5 до 49,5 %) [23, с. 48–49, 369; 24, с. 94–95]. Современное исследование в США показало, что большинство заключенных тюрем уже имело судимости до момента их нынешнего пребывания в тюрьме [1, р. 502]. В другом исследовании, проведенном также в США, было установлено, что из 108 тыс. преступников, вышедших из исправительных учреждений, в течение следующих трех лет после освобождения 63 % были вновь подвергнуты аресту за совершение серьезных преступлений, 47 % вновь предстали перед судом, а 41 % оказался в тюрьме [25, с. 20]. И как можно заметить, наказание не остановило этих людей от повторного нарушения закона. Справедливо указано, что в отношении рецидивистов наказание только способствует их дальнейшей деградации [26, с. 161].

Согласно одной из гипотез, рецидив может объясняться рациональным выбором человека, если его предпочтения стабильны и сохраняются возможности для продолжения преступной карьеры. Отбывание лишения свободы может улучшить его криминальные навыки, что будет дополнительным стимулом для совершения новых преступлений [27, р. 215]. Чем больше человек тратит времени на нелегальную деятельность, тем меньше остается времени на законную деятельность – соответственно, уменьшается ожидаемый доход от легальной деятельности и увеличивается доход от нелегальной [28, с. 98]. Упрощая, можно сказать, что рецидивисты ничего так хорошо не умеют, как совершать преступления, с точки зрения доходности, субъективной полезности поведения.

Только при применении лишения свободы на длительный срок мы можем обоснованно рассчитывать на уменьшение физической возможности профессионального преступника, рецидивиста совершить новое преступление. В рамках экономического анализа уголовного права данный результат именуется эффектом «выведения из строя» (incapacitation effect) [29, р. 32–33]. Ставится цель лишить преступника физической способности совершать преступления, удалить его из общества [30, р. 234; 31, р. 3540; 32, р. 15]. Уменьшение физической возможности совершить новое преступление при применении лишения свободы: 1) максимально эффективно в период отбывания наказания ввиду изоляции человека от общества;

2) может быть эффективным после отбывания наказания лишь при условии, если преступник не в состоянии физически продолжить преступную карьеру (например, в результате утраты навыков, связей, ухудшения состояния здоровья).

Таким образом, с одной стороны, общество требует возмездия, с другой – надеется, что впоследствии преступник после отбытого наказания исправится, тогда как в действительности этого не происходит, поэтому общество терпит убытки дважды: сначала при отказе от экономии уголовной репрессии, затем – при росте рецидивной преступности в отсутствие условий для ресоциализации виновного лица. Указанный парадокс может быть рассмотрен через призму закономерностей, установленных в экономической науке применительно к сфере инвестиций и потребления.

В экономике инвестиции определяются как затраты на увеличение или поддержание реального основного капитала, расходы, предназначенные для производства благ, а не для непосредственного потребления. Потребление есть использование товаров и услуг для удовлетворения текущих потребностей [15, с. 98, 257–258, 443]. Инвестиции в экономике осуществляются при условии, что соотношение предельной выгоды и предельных издержек является приемлемым для субъекта [33, с. 192]. По сути, инвестиции, как и сбережения, есть отложенное потребление, но с большими рисками и возможностями получения благ. Имеет место парадокс бережливости, согласно которому рост сбережений и уменьшение инвестиций ведет к уменьшению спроса и спаду в экономике.

Общество и государство при совершении преступления также вынуждены выбирать между немедленным удовлетворением своих потребностей в возмездии (потреблением) и полным либо частичным отказом от уголовного преследования, ресоциализацией лица в целях возможного получения в будущем большей пользы в виде общественно полезной деятельности преступника (например, трудовой деятельности, содержания семьи, воспитания детей и т. п.), то есть вложениями в человеческий капитал (инвестициями). При этом отказ от инвестиций приведет в перспективе к уменьшению эффективности системы уголовной юстиции (парадокс бережливости), что совершенно очевидно, поскольку будут наблюдаться как дополнительные расходы на исполнение наказаний, так и рост рецидивной преступности.

Сдерживающим началом для изменения критикуемой стратегии являются исключительно культурные стереотипы. Согласно последним, преступник представляется в большей степени врагом, которого нужно уничтожить или вывести из строя. Лишь в некоторых случаях (например, в сфере ювенального правосудия) общество и государство готовы предоставлять необходимый кредит доверия, рассчитывая на большую отдачу

в будущем. Однако соответствующие условия социального обмена должны быть распространены на всех индивидов, кто имеет высокие шансы избежать рецидива без фактического применения уголовной репрессии независимо от категории совершенного деяния.

Библиографический список

1. Cooter R., Ulen T. Law and economics. 6th ed. N. Y.: Prentice Hall, 2011. 576 p.
2. Бельгийскому педофилу дали пожизненный срок. URL: <http://lenta.ru/world/2004/06/22/jailed> (дата обращения: 11.03.2018).
3. Бывшая жена «Монстра из Шарлеруа» выйдет на свободу досрочно. URL: <http://lenta.ru/news/2012/07/31/martin/> (дата обращения: 11.03.2018).
4. Бывшая жена и соучастница бельгийского маньяка Марка Дютру переведена из тюрьмы в монастырь. URL: <http://news.mail.ru/incident/9763344> (дата обращения: 11.03.2018).
5. Насильников индийской студентки обвинили в убийстве. URL: <http://lenta.ru/news/2012/12/29/murder> (дата обращения: 11.03.2018).
6. Криминология: пер. англ. / под ред. Д. Ф. Шели. 3-е междунар. изд. СПб.: Питер, 2003. 864 с.
7. Дюнкель Ф. Уголовное право по делам несовершеннолетних европейских стран в свете актуальных рекомендаций Совета Европы. // Сравнительное правоведение: наука, методология, учебная дисциплина: мат-лы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Красноярск, 25–26 сентября 2008 г. Красноярск : ИПК СФУ, 2008. Ч. 1. С. 219–233.
8. Хайнц В. Уголовные санкции в немецком уголовном праве по делам несовершеннолетних – цель, применение и влияние. 12 тезисов: доклад в рамках мероприятия МПС-Фонда «Судопроизводство по делам несовершеннолетних и альтернативные формы наказания», сделанный 28 марта 2006 г. в Бонне. URL: <http://www.uni-konstanz.de/rtf/kis/heinz-sanktionen-jugendstrafrecht-ru.htm> (дата обращения: 11.03.2018).
9. Sonnen B.-R. Perspektiven nach dem Leipziger Jugendgerichtstag // Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe. 2004. № 4. P. 357–359.
10. Пергатая А. А. Уголовная ответственность несовершеннолетних по законодательству Федеративной Республики Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 1999. 180 с.
11. Eisenberg U. Jugendgerichtsgesetz mit Erläuterungen. 5 Aufl. München: Beck, 1993. 1164 s.
12. Schaffstein F., Beulke W. Jugendstrafrecht: eine systematische Darstellung. 11. Auflage. Stuttgart, Berlin; Köln: Verlag W. Kohlhammer, 1993. 250 s.
13. Мицкевич А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2005. 329 с.

14. Беляев Н. А. Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 176 с.

15. Словарь современной экономической теории Макмиллана. М.: ИНФРА-М, 2003. 608 с.

16. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, Санкт-Петерб. гос. ун-т экономики и финансов, Высшая школа экономики, 1998. 230 с.

17. Jolls Ch., Sunstein C. R., Thaler R. A Behavioral Approach to Law and Economics // *Stanford Law Review*. 1998. Vol. 50. P. 1471–1550.

18. Кузьминов Я. И., Бендукидзе К. А., Юдкевич М. М. Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты: учебник для студентов вузов. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 443 с.

19. Курченко В. Н. Освобождение от наказания в связи с болезнью: актуальные вопросы правоприменения // *Уголовное право*. 2017. № 3. С. 37–43.

20. Жданова О. В. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты освобождения от наказания в связи с болезнью. Ставрополь: Сервисшкола, 2008. 120 с.

21. Pshisva R., Suarez G. A. Capital Crimes: Kidnappings and Corporate Investment in Colombia // *The economics of crime: lessons for and from Latin America* / ed. by R. Di Tella, S. Edwards, E. Schargrotsky. Chicago: The University of Chicago Press, 2010. P. 63–95.

22. Антонян Е. А. Личность рецидивиста: криминологическое и уголовно-исполнительное исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 353 с.

23. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремным содержанием. М.: Добросвет, 2000; Городец, 2000. 464 с.

24. Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление. М.: ИНФРА-М, 2004. 110 с.

25. Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. 912 с.

26. Яковлев А. М. Теория криминологии и социальная практика / отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1985. 247 с.

27. Eide E., Rubin P. H., Shepherd J. M. Economics of Crime // *Foundations and Trends in Microeconomics*. 2006. Vol. 2. № 3. P. 205–279.

28. Калягин Г. В. Экономический анализ криминального поведения // *Экономическая школа. Аналитическое приложение*. 2006. № 3. С. 91–124.

29. Winter H. The Economics of Crime. An introduction to rational crime analysis. N. Y.: Routledge, 2008. 131 p.

30. Friedman D. D. Law's order: what economics has to do with law and why it matters. Princeton: Princeton University Press, 2000. 337 p.

31. Freeman R. B. The Economics of Crime // *Handbook of Labor Economics* / ed.: O. C. Ashenfelter, R. Layard, D. Card. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1999. P. 3529–3571.

32. Harel A. Economic Analysis of Criminal Law: a Survey // *Research Handbook on the Economics of Criminal Law* / Ed. A. Harel, K. N. Hylton. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012. P. 10–50.

33. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика / пер. с 14-го англ. изд. М.: ИНФРА-М, 2003. 972 с.

References

1. Cooter R., Ulen T. Law and economics. 6th ed. N. Y.: Prentice Hall, 2011, 576 p. [in English].

2. Belgiiskomu pedofilu dali pozhiznennyi srok [Belgian pedophile was given a life sentence]. Available at: <http://lenta.ru/world/2004/06/22/jailed> (accessed 11.03.2018) [in Russian].

3. Byvshaia zheni «Monstra iz Sharlerua» vyidet na svobodu dosrochno [The ex-wife of «Charleroi Monster» will be released ahead of schedule]. Available at: <http://lenta.ru/news/2012/07/31/martin> (accessed 11.03.2018) [in Russian].

4. Byvshaia zheni i souchastnitsa bel'giiskogo maniaka Marka Diutru perevedena iz tiur'my v monastyr' [The former wife and accomplice of Belgian maniac Marc Dutrou transferred from prison to the monastery]. Available at: <http://news.mail.ru/incident/9763344> (accessed 11.03.2018) [in Russian].

5. Nasilnikov indiiskoi studentki obvinili v ubiistve [Rapists of the Indian student accused of murder]. Available at: <http://lenta.ru/news/2012/12/29/murder> (accessed 11.03.2018) [in Russian].

6. Kriminologiya. Perevod s angliiskogo. Pod red. D. F. Shelley. 3-e mezhdunar. izd. [Criminology. Translation from English. D. F. Shelley (Ed.), 3rd international edition]. SPb.: Piter, 2003, 864 p. [in Russian].

7. Dyunkel' F. Uголовное право po delam nesovershennoletnikh evropeiskikh stran v svete aktual'nykh rekomendatsii Soveta Evropy [Criminal law on juvenile affairs of European countries in the light of relevant recommendations of the Council of Europe]. In: *Sravnitelnoe pravovedenie: nauka, metodologiya, uchebnaia distsiplina: mat-ly mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 2 ch. Krasnoyarsk, 25–26 sentiabria 2008 g.* [Comparative law: science, methodology and academic discipline: materials of the international research and practice conference: in 2 parts. Krasnoyarsk, September 25–26. 2008]. Krasnoyarsk: IPK SFU, 2008, Part 1, pp. 219–233 [in Russian].

8. Heinz W. Uголовные sanktsii v nemetskom uголовном prave po delam nesovershennoletnikh – tsel, primeneniye i vliyanie. 12 tezisov: doklad v ramkakh meropriyatiia MPS-Fonda «Sudoproizvodstvo po delam nesovershennoletnikh i alternativnyye formy nakazaniia», sdelannyi 28 marta 2006 g. v Bonne [Criminal sanctions under German criminal law for minors – aim, application and effect. 12 theses: report within the framework of activity of Inter-Parliamentary Union-Fond «Legislation on cases of minors and alternative forms of punishment», made on March 28, 2006 in Bonn]. Available at: <http://www.uni->

konstanz.de/rtf/kis/heinz-sanktionen-jugendstrafrecht-ru.htm (accessed 11.03.2018) [In Russian].

9. Sonnen B.-R. Perspektiven nach dem Leipziger Jugendgerichtstag. Zeitschrift für Jugendkriminalrecht und Jugendhilfe, 2004, no. 4, pp. 357–359 [in German].

10. Pergataya A. A. Ugolovnaia otvetstvennost nesovershennoletnikh po zakonodatelstvu Federativnoi Respubliki Germanii: dis. ... kand. iurid. nauk [Criminal responsibility of juveniles according to the legislation of the Federal Republic of Germany: Candidate's of Juridical Sciences thesis]. Krasnoyarsk, 1999, 180 p. [in Russian].

11. Eisenberg U. Jugendgerichtsgesetz mit Erläuterungen. 5 Aufl. München: Beck, 1993, 1164 p. [in German].

12. Schaffstein F., Beulke W. Jugendstrafrecht: eine systematische Darstellung. 11. Auflage. Stuttgart, Berlin, Köln: Verlag W. Kohlhammer, 1993, 250 p. [in German].

13. Mitskevich A. F. Ugolovnoe nakazanie: poniatie, tseli i mekhanizmy deistviia [Criminal punishment: concept, goals and mechanisms of action]. SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Iuridicheskii tsentr Press», 2005, 329 p. [in Russian].

14. Belyaev N. A. Ugolovno-pravovaia politika i puti ee realizatsii [Criminal law policy and its implementation]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1986, 176 p. [in Russian].

15. Slovar' sovremennoi ekonomicheskoi teorii Makmillana [Dictionary of modern economic theory of Macmillan]. M.: INFRA-M, 2003, 608 p. [in Russian].

16. Avtonomov V. S. Model' cheloveka v ekonomicheskoi nauke [Model of man in economic science]. SPb.: «Ekonomicheskaiia shkola», Sankt-Peterb. gos. un-t ekonomiki i finansov, Vysshiaia shkola ekonomiki, 1998, 230 p. [in Russian].

17. Jolls Ch., Sunstein C. R., Thaler R. A Behavioral Approach to Law and Economics. Stanford Law Review, 1998, Vol. 50, pp. 1471–1550 [in English].

18. Kuz'minov Ya. I., Bendukidze K. A., Yudkevich M. M. Kurs institutsionalnoi ekonomiki: instituty, seti, transaktsionnye izderzhki, kontrakty: uchebnik dlia studentov vuzov [Course of institutional economics: institutions, networks, transaction costs, contracts: textbook for university students]. M.: Izd. dom GU VShE, 2006, 443 p. [in Russian].

19. Kurchenko V. N. Osvobozhdenie ot nakazaniia v sviazi s bolezniiu: aktualnye voprosy pravoprimereniia [Release from punishment due to illness: topical issues of law enforcement]. Ugolovnoe pravo [Criminal Law], 2017, no. 3, pp. 37–43 [in Russian].

20. Zhdanova O. V. Ugolovno-pravovye i ugolovno-ispolnitelnye aspekty osvobozhdeniia ot nakazaniia v sviazi s bolezniiu [Criminal and criminal-executive aspects of release from punishment due to illness]. Stavropol: Servisshkola., 2008, 120 p. [in Russian].

21. Pshisva R., Suarez G. A. Capital Crimes: Kidnappings and Corporate Investment in Colombia. The economics of crime: lessons for and from Latin America. Edited by Di Tella R., Edwards S., Schargrodsky E. Chicago: The University of Chicago Press, 2010, pp. 63–95 [in English].

22. Antonyan E. A. Lichnost' retsidivista: kriminologicheskoe i ugolovno-ispolnitelnoe issledovanie: dis. ... d-ra iurid. nauk [The identity of the offender: criminological and penal research: Doctoral of Law thesis]. M., 2014, 353 p. [in Russian].

23. Foinitskii I. Ya. Uchenie o nakazanii v sviazi s tiurmovedeniem [Doctrine of punishment in connection with prison studies]. M.: Dobrosvet, 2000; Gorodets, 2000, 464 p. [in Russian].

24. List F. Zadachi ugolovnoi politiki. Prestuplenie kak sotsialno-patologicheskoe iavlenie [Objectives of criminal policy. Crime as a socio-pathological phenomenon]. M.: INFRA-M, 2004, 110 p. [in Russian].

25. Luneev V. V. Prestupnost XX veka: mirovye, regionalnye i rossiiskie tendentsii. Izd. 2-e, pererab. i dop. [Crime of the XX century: global, regional and Russian trends. 2nd edition, revised and enlarged]. M.: Volters Kluver, 2005, 912 p. [in Russian].

26. Yakovlev A. M. Teoriia kriminologii i sotsialnaia praktika. Otv. red. V. N. Kudriavtsev [Theory of criminology and social practices. Kudryavtsev V.N. (Ed.)]. M.: Nauka, 1985, 247 p. [in Russian].

27. Eide E., Rubin P. H., Shepherd J. M. Economics of Crime. Foundations and Trends in Microeconomics, 2006, Vol. 2, no. 3, pp. 205–279 [in English].

28. Kalyagin G. V. Ekonomicheskii analiz kriminalnogo povedeniia [Economic analysis of criminal behavior]. Ekonomicheskaiia shkola. Analiticheskoe prilozhenie [Economics. Analytical application], 2006, no. 3, pp. 91–124 [in Russian].

29. Winter H. The Economics of Crime. An introduction to rational crime analysis. N. Y.: Routledge, 2008, 131 p. [in English].

30. Friedman D. D. Law's order: what economics has to do with law and why it matters. Princeton: Princeton University Press, 2000, 337 p. [in English].

31. Freeman R. B. The Economics of Crime. In: Handbook of Labor Economics. Ed.: Ashenfelter O. C., Layard R., Card D. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1999, pp. 3529–3571 [in English].

32. Harel A. Economic Analysis of Criminal Law: a Survey. In: Research Handbook on the Economics of Criminal Law. Edit. A. Harel, K. N. Hylton. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2012, pp. 10–50 [in English].

33. McConnell C. R., Brue S. L. Ekonomiks: printsipy, problemy i politika. Per. s 14-go angl. izd. [Economics: principles, problems and politics. Translation from the 14th English edition]. M.: INFRA-M, 2003, 972 p. [in Russian].

*O. N. Bibik****STRATEGIC PRIORITIES OF CRIMINAL LAW – RETRIBUTION OR RESOCIALIZATION?**

The article deals with the problem of determining the priority directions of application of criminal law. It is noted that criminal law is more focused not on resocialization, but on retribution, which entails serious social costs. This is explained by the theory of expected utility, according to which people often ignore the long-term consequences, show myopia. The society demands retribution and thus groundlessly hopes that subsequently the criminal after the served sentence will correct. This problem is considered through the prism of the laws established in economic science in relation to the sphere of investment and consumption. Society and the state in committing a crime are forced to choose between immediate satisfaction of their needs for retribution (consumption) and the complete or partial abandonment of criminal prosecution, resocialization of the person (investment). This rejection of investment will lead in the future to reduce the effectiveness of the criminal justice system (paradox of thrift). It is concluded that only cultural stereotypes are an obstacle to the revision of the criticized strategy.

Key words: rational choice theory, retribution, resocialization, social costs; strategic priorities, thrift paradox, myopia, investments and consumption.

* *Bibik Oleg Nikolaevich* (olegbibik@mail.ru), Department of Criminal Law and Criminology, Law Faculty, Dostoyevsky Omsk State University, office 119, 55, Mira Avenue, Omsk, 644077, Russian Federation.